

О «ГЛУБИННОЙ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ» МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ДЕКАБРИСТА» А. Е. РОЗЕНА)

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2024 г.

Аннотация: в работе рассматривается авторская позиция, реализованная в «глубинной композиционной структуре» (Б. А. Успенский) мемуаров декабриста А. Е. Розена, пережившего заключение в Петропавловской крепости и многолетнюю ссылку. Изучаются фразеологический, пространственно-временной, психологический и идеологический планы, в которых выражена авторская точка зрения.

Ключевые слова: А. Е. Розен, мемуарная проза, «эстетический документ», нарратор, идеология.

Abstract: the work considers the author's position established in the "deep compositional structure" (B. A. Uspensky's term) of Decembrist A. E. Rosen's memoirs, who survived imprisonment in the Peter and Paul Fortress and many years of exile. The phraseological, spatio-temporal, psychological and ideological plans in which the author's point of view is expressed are studied.

Keywords: A. E. Rosen, prose memoir, «aesthetic document», narrator, ideology.

Декабристы оставили сотни страниц воспоминаний, они адресовали потомкам свои исповеди, в которых объясняли причины восстания 14 декабря 1825 г., длительный процесс подготовки к нему, вспоминали 1812 г., философствовали, так как были высокообразованными людьми, пытавшимися примирить теорию с практикой.

«Тюремный» и «каторжный текст» мемуаров декабристов, конечно, содержит описание моральных и физических страданий, лишений, но и свидетельствует о пережитых положительных эмоциях. Об этом пишет исследователь жизни и творчества Ф. Н. Глинки, участника Отечественной войны 1812 г., члена Союзов Спасения и Благоденствия: «В одном из стихотворений времен карельской ссылки он записал: "В твоей живительной волне переродилось все во мне"» [4, 317].

Известно, что возвратившиеся после тридцатилетнего николаевского царствования вольнолюбцы и «бунтовщики» удивили переживших «эпоху безочарования» не только «достоинством, твердостью, бодростью», но и цветущим видом («розы на щеках»), «улыбкою среди мук и горестей» [13, 277]. Благодаря общению с возвратившимися ссыльными (а также с членами их семей) выдающиеся отечественные писатели — Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой — приняли решение создать поэмы («Дедушка», «Русские женщины») и роман («Декабристы»).

О мемуарах («повествование от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был») [5, 216] писали самые автори-

тетные исследователи, что указывает на важность данного явления. Особое положение «записок о пережитом», этого *маргинального* жанра (находящегося между искусством и бытом), теоретически обосновал Ю. Н. Тынянов, отмечая такое свойство, как «литературность мемуаров и дневников в одной системе литературы и внелитературность в другой» [11, 273]. На подвижность границ «между художественным и внехудожественным, между литературой и нелитературой» [1, 476] указывал М. М. Бахтин. О важности для общелитературного процесса как романов (рассказов, повестей и пр.), так и «записок» размышлял Ю. В. Манн: «В формировании эстетических принципов мемуарная и — шире — документальная литература принимает почти такое же участие, как и литература собственно художественная» [6, 155]. Очень значительный признак «промежуточного жанра» подчеркнула Л. Я. Гинзбург, имея в виду его двойственную природу (тяготение к субъективной передаче переживаний и к объективному изложению фактов): «Литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и "мыслей" ведет прямой разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настоящим присутствием автора» [3, 133].

Если обратиться к истокам «литературы воспоминаний», то это будут образцы, бытовавшие еще в Древней Руси, но настоящий расцвет данного «эстетического документа» приходится на XVIII век, так как, по справедливому замечанию А. Г. Тартаковского, мемуары основаны «на почве признания значимости индивидуального жизненного опыта личности и ощущения ею движения времени, из чего проистекает и ее потребность в историческом самосознании» [10, 8].

В данной статье попытаемся рассмотреть мемуары барона Андрея Евгеньевича Розена (1799–1884), который, будучи молодым офицером, остановил на невском мосту свой взвод, не дав значительному количеству войск направиться расстреливать восставших. Исследователь «записок» декабристов, А. С. Немзер, отмечал: «Воспоминания Розена в чем-то похожи на его действия 14 декабря: мемуарист не стратег, а тактик, он не решает глобальных задач, а цепко фиксирует подробности. Размышляя о поражении, он сосредоточен на его военных аспектах. Словно проводится “штабная игра”, ставится вопрос, что было бы, действуй мы чуть иначе (вопрос, кстати, мучающий многих историков и по сей день)» [7, 14].

Сказанное о стиле розеновских мемуаров, безусловно, верно, но в рефлексии «тактика», очень смелого человека, кроме «военного» анализа, на наш взгляд, присутствуют и созданные автором проникновенные образы: матери (переданы мистические ощущения потери в день ее кончины), ожидающей ребенка жены. Также присутствуют эпизоды, могущие перерасти в настоящие «вставные новеллы», наблюдается удивительная игра с грамматическими формами, можно встретить размышления (с точки зрения психологизма) о человеческом милосердии и черствости.

Указанные аспекты розеновского «эстетического документа» проанализируем под углом зрения учения Б. А. Успенского о «глубинной композиционной структуре», включающей планы *фразеологический* (описание «разных героев различным языком» [12, 30]); *пространственно-временной* (фиксация точки зрения нарратора «в пространстве и во времени», информация о месте повествования, «определяемом в пространственных и временных координатах» [12, 80]); *психологический* — авторское стремление «использовать какую-то субъективную» позицию (то есть опираться «на то или иное индивидуальное сознание»), а также «описывать события по возможности объективно», опираться на «факты» [12, 108]. Разумеется, наиважнейший план авторской позиции — точка зрения *идеологическая*, оценочная, если под этим понимать «общую систему идейного мировосприятия», то, как «автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир» [12, 19].

Начнем с того, что рассмотрим, как с *фразеологической* точки зрения (в композиционном смысле) мемуарист оценивает одну из ситуаций — пребывание уже арестованных декабристов на «Главной гауптвахте Зимнего дворца» [9, 100]. В данном фрагменте важно обратить внимание на графические средства выражения авторского сознания: использование латиницы (при передаче французской речи), кавычек (для выделения прямой речи).

Дело в том, что Розену супруга передала записку, или же он ей приготовил ее, что в положении арестанта было недопустимо. Нарратор не уточня-

ет, кто автор письма, и в этом случае выступает как *ненадежный* (unreliable narrator) [2, 159], то есть по определенным причинам (осторожен в положении арестанта) скрывающий правду от персонажей и читателя.

Некий сколь активный, столь и мелочный «полковник Микулин» залез в карман Розену, вытащил письмо, прочитал его («Sois tranquille, cher ami, Dieu me soutient, ménages-toi» [9, 102]. Это означало: «Будь спокоен, дорогой друг, Господь меня поддерживает, береги себя». Микулин усомнился в том, что автор записки — жена барона и, видимо, предположил, что сам Розен, вопреки правилам, хотел передать весточку домой (или получил ее от другого арестованного «бунтовщика»): «Помилуйте, да как же она пишет в мужском роде tranquille два ll и e!» [9, 102].

В этот момент («на счастье мое») появился неизмеримо более великодушный В. А. Перовский («адъютант государя») и (по-французски, демонстрируя знание этого языка) заставил замолчать придирчивого «ученого грамматика»: «Cessez donc, mon cher, vous dites des bêtises» («Оставьте же, друг мой, вы говорите глупости»).

Возникает вопрос: зачем мемуарист использовал два языка, иногда не давая перевода (скорее всего, это сделали уже редакторы цитируемого издания)? Видимо, прежде всего, для достоверности, ибо в то время дворяне чаще использовали французский (по словам Ю. М. Лотмана, «пароль» аристократов). Автор также хочет показать, что Перовский, хорошо знающий французский язык, решительно ставит точку в этом неуместном, на его взгляд, споре, усугубляющем положение Розена. Заметим, что речь Микулина передана косвенной и прямой речью, а итоговая реплика — прямой речью в кавычках (для убедительности). Как видно, представленная ситуация выявила основные черты характеров персонажей (осторожный «тактик» Розен, наглый Микулин, благородный Перовский), но при этом читатель так и не узнал, кто же на самом деле был автором таинственной записки!

Анализируя сходную текстовую ситуацию (реплики Наполеона то по-русски, что в реальности было бы совершенно невозможно, то по-французски) в «Войне и мире», Б. А. Успенский делает вывод о том, что Л. Н. Толстой использует языковую игру «для отсылки к тому или иному индивидуальному сознанию» [12, 77].

В качестве примера такого пласта «глубинной композиционной структуры», как *пространственно-временной*, рассмотрим фрагмент розеновского «эстетического документа», где показаны эмоции арестованного декабриста: «Со тесненным сердцем въехал я в ворота крепости; меня приветствовали колокольные звуки крепостных часов, старинных курантов, звонивших протяжно каждый час мелодию: «God save the king». В комендантском доме за-

стал я четырех офицеров: л.-гв. Измайловского полка Андреева, князя Вадбольского, Миллера и Малютина. Через полчаса вошел комендант на деревянной ноге, генерал-адъютант Сукин, прочел пакеты, поданные фельдъегерем, и объявил нам, что по высочайшему повелению приказано держать нас под арестом. В этой же комнате с нами стоял пожилой мужчина с проседью, в статском сюртуке, с анненским крестом, украшенным бриллиантами, на шее. Комендант обратился к нему, узнал его и воскликнул с укором: «Как! и ты здесь по этому же делу с этими господами?» — «Нет, ваше превосходительство, я под следствием за растрату строительного леса и корабельных снарядов». — «Ну, так слава Богу, любезный племянник», — сказал комендант и родственно пожал руку честного чиновника» [9, 109–110].

Как видно, данная красноречивая сцена (воспроизведенная автором в деталях несмотря на значительный временной период между происшествием и мемуарной записью) описана и с помощью глаголов совершенного, а также несовершенного вида, глаголов «моментальных» и «не моментальных»: въехал, приветствовали, застал, вошел, прочел, объявил, держать, стоял, обратился, узнал, воскликнул, пожал и пр.

По замечанию Б. А. Успенского, «форма несовершенного вида противопоставлена форме совершенного вида прежде всего в плане позиции наблюдателя по отношению к данному действию (действию говорения). Она создает эффект продолженного времени — мы как бы помещаемся внутри данного действия, становясь по отношению к нему синхронными свидетелями» [12, 101]. В нашей ситуации чередование глаголов разных видов создает ощущение синхронности и ретроспективности, своеобразных «временных качелей», что придает изображенной картине волнующей, приковывающей внимание читателя динамики.

В приведенном отрывке, как было отмечено, присутствуют глаголы «моментальные» (описывающие быстрое действие) и «не моментальные» (обозначающие «ситуацию, у которой есть либо внутренний предел, либо субъект, наделенный целью» [8, 86])¹. Очевидно, что в розеновском фрагменте «моментальный глагол» *объявил* (сводящий ситуацию к «переходу в новое состояние» [8, 87], а именно: недавние дворяне и офицеры переведены на положение бесправных узников) и такие «не моментальные» глаголы, как *приветствовали* (меня), *прочел* (Сукин), чередуясь, дают представление о состоянии душевного волнения, об осознании неопределенности, не-

коего «остранения» (на фоне привычных, давно знакомых реалий Петербурга: крепость, бой часов и пр.).

Наконец, увенчавшая данную сценку (вполне претендующую быть «вставной новеллой» в мемуарах, ориентированных на факт, документ, точное изображение событий) *ирония* (по остроумному замечанию Т. Манна — «интеллектуальная оговорка») по отношению к проворовавшемуся «честному чиновнику», противопоставленному «нечестным» декабристам, явно может трактоваться как «запланированное автором участие читателя в интерпретации текста» [8, 216], то есть в качестве примера коммуникации *автор (нарратор) — читатель* (воспринимающая сторона).

«Точка зрения» в плане *психологии*, на наш взгляд, наиболее полно проявляется в рассматриваемых мемуарах при передаче эмоций декабриста (т.е. субъективно) и при изложении фактографически представленных сведений. Розен очень ценит поддержку, откровенно сообщает, что был «растроган» проявлением сочувствия, при этом автор прибегает к прямой речи, дабы точно процитировать высказывание доброго моего товарища П. И. Греч, больше обыкновенного бледный от утомления беспокойного караула, кивнул головою и сказал: «Ах, душа! жаль тебя!» [9, 101]; «При нас сменился караул, вошел славный комендант Башуцкий, осведомился о числе арестантов и, увидев меня, воскликнул: “Что это, боже мой! такой отличный офицер!”» [9, 101].

Такие эмоционально окрашенные фрагменты часто сменяются отрывками, снабженными военными терминами, названиями полков, описанием передвижений батальонов, взводов, приводятся даты, фамилии, топонимы, что формирует обширный «петербургский текст»: «Наконец в этот самый день занимал караулы во дворце, в Адмиралтействе, в Сенате, в присутственных местах 2-й батальон л.-гв. Финляндского полка под начальством полковника А. Ф. Моллера, старинного члена тайного общества; в его руках был дворец» [9, 96].

Приведенная смена объективного и субъективного планов придает мемуарам и живости, и достоверности, погружая читателя в ту тревожную атмосферу, которая характеризует описываемую эпоху.

Воспоминания Розена (как и других декабристов), безусловно, проникнуты *идеологически* окрашенной оценкой, в данном случае — с «доминирующей» [12, 19] авторской (мемуары не всегда предоставляют мнение других персонажей), включающей политический, этический, историко-социальный и философский «текст» и подтекст. Ценно мнение А. С. Немзера, утверждавшего, что «уже в следственной комиссии их оправдания переросли в *объяснения*, задачей же декабристской мемуаристики — серьезного ответа и на официальную ложь “Донесения” следственной комиссии или манифестов, и на круговорот сплетен,

¹ Для первого случая Е. В. Падучева приводит следующий пример: «очнулся, засмеялся», для второго — «Лужа высохла», для третьего — «Я умылся; Ваня поймал бабочку» (здесь «субъект достигает поставленной цели, т.е. возникает результат» [8, 86 и 87]).

и на молчание — стало именно объяснение, объяснение неразрывное с утверждением: мы были» [7, 10].

Автор «Записок» дает оценку деятельности Александра I, подводя итог его эпохе: «В борьбе с Наполеоном быв главным двигателем дел Европы, занимал он первое место между современными ему венценосцами» [9, 79]. О Николае I Розен стремится говорить с почтением, но в каждом слове чувствуется укор, связанный с сожалением о том, как мало было сделано для устранения беззакония, феодальной вседозволенности в России. Вот как переданы слова Н. А. Бестужева царю, намекнувшему о возможности «простить» заблудшего бунтовщика: «Ваше величество! в том и несчастье, — ответил Бестужев, — что вы все можете не сделать; что вы выше закона: желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности» [9, 106]. В данной реплике кроется ответ на вопрос о причинах восстания и возникновения самого декабристского движения, а также заявлена основная идеологическая концепция всех многочисленных мемуаров участников события, потрясшего все русское общество.

Итак, рассмотренные нами аспекты «глубинной композиционной структуры» («подход, связанный с определением *точек зрения*, с которых ведется повествование» [12, 9]) дают нам возможность уточнить некоторые особенности авторской позиции создателя «эстетического документа» — Розена. Описывая один из самых ярких и трагических эпизодов отечественной истории, мемуарист предстает как смелый и благородный человек, глубокий мыслитель, аналитик и, безусловно, патриот. Нельзя не согласиться с тем, что, «читая записки Розена, можно оценить меру духовной кротости и личного мужества рядового декабриста» [7, 14]. Черты личности в «нехудожественной прозе» проявляются на фоне талантливого изображения *ожившей* отдаленной эпохи с ее тревожными и значимыми событиями, до сих пор волнующими литераторов, ученых-филологов, историков, кинематографистов, социологов, культурологов.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбачевич О. А., соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета.

E-mail: goa696@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.
2. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. University of Chicago Press, 1961. — 572 p.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Изд. 2-е / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Художественная литература, 1976. — 448 с.
4. Карпец В. И. И мне равны и миг, и век / В. И. Карпец // Федор Николаевич Глинка. Сочинения. — М.: Советская Россия, 1986. — С. 309–328.
5. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
6. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа / Ю. В. Манн. — М.: Советский писатель, 1987. — 320 с.
7. Немзер А. С. Четверо о незабываемом (Мемуарная проза декабристов) / А. С. Немзер // Мемуары декабристов. — М.: Правда, 1988. — С. 5–18.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
9. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен // Мемуары декабристов. — М.: Правда, 1988. — С. 77–164.
10. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский. — М.: Археографический центр, 1997. — 354 с.
11. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 574 с.
12. Успенский Б. А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве / Б. А. Успенский. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 360 с.
13. Эйдельман Н. Я. «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст) / Н. Я. Эйдельман. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 319 с.

Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., Postgraduate Student of the chair of theory, history and methods of teaching the Russian language and literature, Faculty of humanities,
E-mail: goa696@mail.ru